

ГОРКИ

ПРАВОСЛАВНЫЕ

«Делитесь радостью»

(Схиархимандрит Илий (Ноздрин))

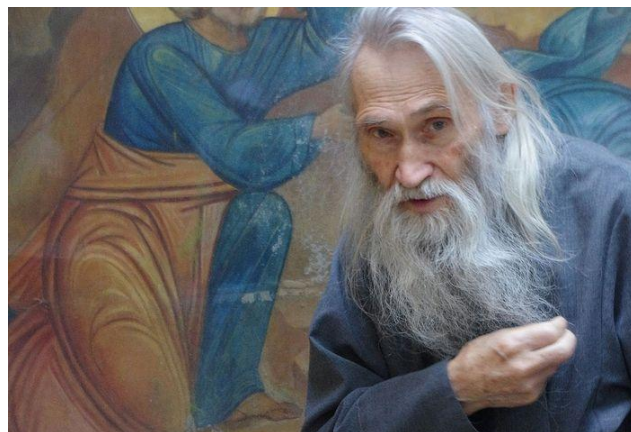
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ МОСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ
ВНДОВСКОЕ БЛАГОЧИННОЕ ХРАМ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ

«РОЖДЕСТВО ВЧЕРА И ДНЕСЬ, ТО ЖЕ И ВО ВЕКИ»

Автобиографическое интервью схиархимандрита Илия (Ноздрина)

(Ольга Орлова, Источник: *Православие.ru*)

Старец, в только что ушедшем 2017-м году отметивший 85 лет, почти никогда не говорит о себе, но ради праздника сделал исключение. Это рассказ о Рождестве длиною в столь многотрудную, но и радостную жизнь, сквозь которую просвечивает уже более чем двухтысячелетняя история этого на самом деле главного в человеческой жизни торжества...

– Батюшка Илий, как вы раньше Рождество Христово отмечали? Первую свою встречу Рождества помните?

– Ой. А вообще-то помню. Это мы еще до войны всей семьей Рождество встречали. Отец еще был жив.

Храмы тогда уже были закрыты. Но все равно на Рождество, как и на Пасху, всегда на душе какое-то особое состояние было, настроение приподнятое. Жалко, что в церковь мы тогда не могли пойти... Поблагодарить Бога. Так молились.

Взрослые так или иначе пытались день праздника как-то отметить. Мы, дети, в то время постоянно голодные были. Так мама на праздники – тогда это было в обычае – ситники делала, – это такие простые испеченные в печи хлебцы. У нас в избе своя русская печь была. Запах натопленной дровами русской печи и новоиспеченного хлеба ни с чем не сравнить! Ни с какими благоуханиями, сколько бы там эти духи ни стоили. Это сейчас себе не знают, чего еще найти, чем себя побаловать. А в те времена хлеб на столе – это уже большое счастье!

Бедно тогда жили, а на душе – радость. Хатёнка у нас была маленькая. Мы до войны строиться думали. Были иногда у взрослых такие мысли – да где там! То раскулачивание, а потом война началась, отца на фронт призвали. Там он и погиб в 1942-м году. Мама нас потом одна, четверых детей, поднимала.

Еще помню до войны дедушку Ивана Семеновича, – он у нас много молился. Сам он был взрывного характера, но благодаря молитве сдерживал себя. Пока еще Покровская церковь в соседнем селе Становой Колодезь была открыта, он при храме служил, старостой был, да и в целом, если что сделать надо. Мастер был на все руки. Все умел. Дома бочки, разные кадки делал. Очень тщательно все подгонял, выстругивал, шкурил. По железному делу был искусен. Кому что требовалось починить из посуды или инвентаря, – брался. Сам ковал, лудил, паял. Сани собирал. Мы потом в войну на таких санях спасались, когда нас немцы из избы выгнали.

Они всю деревню с мест людей посрывали, – видимо, избы перетряхивали, чтобы где-то партизаны не скрылись. За связь с партизанами сразу расстреливали на месте. Так вот, у соседней оставалась еще лошадка, а дед сани смастерил, мы все погрузились в них с легким скарбом и поехали куда глаза глядят. А это как раз тоже зима, рождественские дни были. Так что и такое Рождество помню. Морозы стояли. Но мы были

счастливы оттого, что у нас была лошадь. Но куда ехать – неизвестно. Где мы пристанище найдем? Но раз немцы выгоняют, – отправились...

Проехали свою деревню Редькино (с 1969 года вошла в качестве улицы в состав села Становой Колодезь Орловской области – *Ред.*), а там дальше Хотетово – большая деревня, километра на два с половиной протянулась. Едем, а там много обозов – и все без лошадей... И люди, наверно, с них уже по домам распределились. Всю округу немцы взбаламутили. И тут нас остановили. У кого были лошади, фрицы их там, оказывается, отбирали, – в том числе и у нас выпрягли лошадку. Что делать?

Мороз градусов 30, самое малое 25. Уже вечер, потом ночь наступила. Мы все ночлег себе не найдем. Куда ни сунемся, везде у всех все забито. И всё! А что ты будешь делать? Переложили по минимуму самое необходимое из саней в салазки и пошли пешком в следующую деревню – Еропкино. И там в каждом доме народу – не протолкнуться. Никто нас не пускает.

– **Так и Господа 2018 лет назад никто в Рождественскую ночь не пускал...**

– Один только старик, чувствуем, как-то уклончиво отвечает. Мама начала плакать, просить. Он нас и впустил. Помню, на полу разместились, да и то я не спал. Утром мы побежали в Яковлево, это еще дальше деревня, там у нас родные жили, дядя. Узнали, что туда можно. Тоже думали, так дойдем, да родные оттуда за нами на лошади, не побоялись, приехали. Мы у них потом около месяца прожили. Это было начало 1942 года.

– **А вас в Яковлево во младенчестве крестили? Там Казанская церковь в 1942-м году, когда вы там вновь оказались, была еще открыта?**

– Нет, уже закрыли ее. Вот там, откуда нас выгнали, в Редькино, – там при немцах уже в конце 1941 года храм вновь открыли. Сами немцы, конечно, не были православными. Не смекнули, что наши люди стали молиться, и Господь им уже помогал.

– **Владыка Иосиф (Чернов) рассказывал отцу Владимиру Дивакову, как вернулся в начале 1941 года из ссылки, зашел в московский храм в Рождественский сочельник – а там всего-то человек 10–15, также на следующий день в сам праздник Рождества Христова в Елоховском кафедральном соборе полупустая церковь была. А началась война – люди ринулись в храмы... Так что на Пасху 1944 года в храме Воскресения Словущего в Брюсовом переулке Москвы уже 2500 человек было!**

– Да, Господь вразумлял. Что же, если иначе никак? Только Бог по молитвам вернувшихся в храмы и сохранил Россию. Безбожная бы страна погибла, а Русь Святую силы Небесные уберегли. Так-то уже вся наша территория была заранее поделена Гитлером.

– **Как вы потом в войну выживали?**

– Ну, как? Было дело, и во времянке жили. Помню, дедушка от нас как-то отбился, – мы опять с места на место переходили, – а его потом к нам не пускали. Там всюду в округе были немецкие патрули. Останавливают: «Стой! Кто идет?» Не послушаешь – расстреляют. Хорошо, если сигнал даст, а то может и пожалеть патрон – в воздух палить. Сразу убьет. Тогда только так людей стреляли.

По вечерам-ночам мы сидели без каких-либо источников света, – считалось так: затеплив огонек, можно дать сигнал партизанам. У нас вообще в детстве, конечно, никакого электричества не было. Вот как сейчас лампадку зажигаешь, – это лучшее, что мы могли себе и в самое вольготное время позволить. Слава Богу за всё!

Голод в войну был. У нас, когда мы вернулись на место своего прежнего проживания, огород отобрали. А других способов пропитания тогда не было. Причем, помню, у немцев была такая политика: раскулаченным они все вернули. Если сохранились их дома, то вселяли их обратно, – так пытались задобрить народ. А наш дом оказался к тому моменту, когда мы вернулись, сломан. Только небольшая пристройка осталась, и ту уже какие-то люди захватили. Дедушка попросился у новых хозяев, чтобы нам в этой сарайке пожить, они нас впустили, и так нас там до весны не трогали: «Пока живите». Но наш огород, как весна пришла, нам сеять не дали.

– **Как же вы выживали?**

– Так и выживали. Кое-как. Божией милостью. Слава Богу! Трудно, конечно, было. Где-то что-то в другом месте засеивали, но картошки в земле повимерзли потом, не успели мы и то, что посадили, собрать к осени. Потому что опять нас немцы с места на место перегоняли. Как-то выжили. *(Батюшка делает большие паузы, вспоминает, перед внутренним взором у него точно проносятся те времена – О.О.)*

Нас тогда в семье было семеро: дедушка, бабушка, мать да нас, детей, четверо. Отец на войне. Мы тогда не сразу узнали, что он погиб уже в 1942-м году. В госпитале, во Владикавказе умер. Я бываю там.

– **А бабушка верующая была?**

– Да, бабушка Домна – верующая, конечно. Трудно ей приходилось, дедушка горячий был по натуре, – бабушка то и дело сглаживала острые моменты. Дедушка Иван Семенович был несколько близорук, может быть, поэтому такого склада, что как бы сам в себе: ему все равно было, что и кто о нем подумает, правду говорил, а это тогда было небезопасно. Умер он во время войны, так же как и отец, в 1942-м году. Бабушку потом тетя в Белоруссию забрала. Потому что в наших краях и после войны был голод. Так там бабушка и умерла, там похоронили. Хотела, конечно, домой вернуться, но не довелось.

Тогда всем так тяжело было, не только нам. Еще до войны, когда стали в колхозы народ сгонять, все у трудяг поотнимали. Зарплаты не платили, только ставили галочки-трудодни. Паспортов лишили – не

переедешь никуда. Тетя у меня только, спасаясь от расправы, перебралась в Москву, успела. А в деревнях подсобные хозяйства – и те налогами обложили: с каждой курочки, если довелось обзавестись, надо было столько-то яиц отдать, – а если она не несется? Также и с каждого дерева яблони, – а если неурожай? С каждого куста смородины и т. д. Обдираловку устроили. Даже соломы в деревне, чтобы крышу покрыть, – представляете, и то не стало, ее всю сдавать надо было! Кто там сейчас эту жизнь при советских правителях нахваливает? Просто не знают уже, как мы жили тогда. Только работу и видели. Не до игр и нам, детям, не до праздников было.

– **А так, чтобы колядовать, допустим, на Рождество, – такого уже не было?**

– Большинство из сверстников об этом уже и не знали. Но в некоторых верующих семьях, где особо старались сохранить церковные традиции, даже при закрытых храмах, память обо всем этом оставалась. Я не знаю, жива ли еще Варвара Васильевна, – она потом переехала в город Ливны. Мы вместе с ней в школе учились. Она была из очень верующей семьи. Вот они, дети этой семьи, ходили, славил Христа: «Христос рождается, славьте!» Я там тоже поблизости с ними крутился, славил Христа, подпевал.

– **У вас школа была устроена в той самой Покровской церкви, где до революции дедушка старостой был? Учителя верующие были?**

– Да, классы были в храме... Как церкви разоряли, так и в школах новые власти особо орудовали. Пытались внедрять своих, идеологию проводили. Я всего семь классов окончил. Тогда так учились: семилетка, в лучшем случае где-то в городах – десятилетка.

Помню, конечно, у нас и верующие педагоги тоже были. Не все, но были. Географию нам преподавала очень верующая учительница.

Когда мы учились, у нас ничего не было: ни учебников, ни тетрадок. Помню, из свеклы делал себе чернила. У учителей тоже никаких даже конспектов не имелось. Они все нам по памяти излагали. Хорошо помню нашего учителя по математике Ивана Алексеевича, он мне потом документы выправлял, чтобы мне в техникум поступить.

– **Батюшка, а когда в техникуме в Серпухове учились, вы там в храм ходили?**

– Да, там прямо рядом с техникумом храм был. Да и в округе еще три храма помню, правда, службы только в двух из них шли. Батюшки там, в Серпухове, были хорошие проповедники.

У нас и в техникуме все преподаватели верующие были. Просто они тогда зачастую никак не могли выражать свою веру. Скрывали ее, чтобы место работы не потерять. Хотя в техникумах меньше было идеологического давления на преподающих, чем в школе, – новые власти прежде всего детские умы развратить пытались.

Хотя и за молодежью следили. Меня однажды, помню, гэбист вызвал: «Ты, – говорит, – знаю, на службы ходишь?»

– **А вы ему что ответили?**

– Да ну его. Что ему, гэбисту, отвечать? Я больше в Москву на службы ездил. У меня здесь тетя жила.

– **Которая вас с детства в храмы водила, молитвам учила?**

– Да, звали ее Наталья. Очень она верующим человеком была. Когда бомбили Москву, она ничего не боялась, оставалась в храме, молилась за всех.

– **А как вам запомнилась православная Москва тех лет?**

– Вообще-то тогда Москва была какая-то совсем другая!

Помню такую рабу Божию Александру, она просто плакала о былой Москве, о ее соборности, о благочестии народа. А другая бабушка, помню, постоянно вспоминала, как взрывали храм Христа Спасителя, и тоже слезы у нее текли. Это были такие чистые, истинно верующие души! Сами зная жизнь с Богом, как она благодатна и радостна, они такой жизни всем желали и плакали, видя, как люди сами уничтожают для себя возможность мирной жизни здесь, на земле, и блаженства в вечности со Христом.

– **Это еще до войны?**

– И до войны, и после. Тогда же и после того, что народ пережил, репрессии продолжались. Тех, кого советская власть «перевоспитать» не могла, истребляла. Или развращала народ своей безбожной идеологией, или убивала. Сколько на Бутовском полигоне расстреляно, на Соловках угроблено... Перед войной особенно много, помню, похабины стало. Обработывали молодежь. Пропаганда усиленно работала. Хотя и тогда, конечно, еще много царских, дореволюционных людей оставалось. Другая была Москва, другая Россия!

– **А в какой храм вы в Москве ходили?**

– Воскресения Словущего на Успенском Вражке, – это что в Брюсовом переулке. У меня там тетя рядом жила. Она немножко болела. Но вообще очень шустрая, работающая была, много трудилась. Помогла нам пережить самое голодное время. Сама она была одинокой. Хотела потом на мое имя свою жилплощадь отписать, а я ей говорю: «Зачем она мне?»

– **А в каком вы храме впервые на рождественской службе оказались?**

– Там как раз – в Брюсовом переулке. Хотя больше, конечно, по детству памятно, как праздновали Рождество на Орловщине, в деревне. А на службе впервые был в первопрестольной. Тогда в храме хор был очень хороший. Там даже многие известные певцы на клиросе пели, артисты Большого театра. Вообще это был храм московской интеллигенции.

– Кто там тогда в храме служил?

– Помню настоятеля, отца Владимира Елховского. Хотя там многие тогда священники служили. Потому что большинство храмов в Москве уже было или разрушено, или закрыто. А потом хрущевские гонения начались...

Хрущев же просто хулиганом был, судя по его поведению. Разве можно таких до власти допускать? На правительственном уровне выступил с программой: показать по телевидению последнего попа. Хотел добить православную Россию.

Но люди тогда уже очень богослужением дорожили. Да и так их в храмы тянуло. Тетя у меня очень часто в церкви была. Помню, она там в левом Никольском приделе, у образа пророка Божия Елисея – одной из старинных икон храма Воскресения Словущего, – постоянно молилась. Там ее всегда и можно было найти, если дома не застанешь.

– Знаю, в те годы особо не было такого понятия, как духовник. Но был же у вас в юности наставник?

– Отец Иоанн Букоткин. Это уже в Камышине, на Волгоградской земле. Меня туда после техникума работать на комбинат хлопчатобумажных тканей распределили. Он меня и благословил на учебу в Саратовскую семинарию. Написал мне рекомендацию для поступления. Потом, когда при хрущевских гонениях семинарии по стране закрывались, меня в Петроградскую (батюшка намеренно избегает произносить советское название города на Неве – *О.О.*) перевели. А когда я там, в Петрограде, учился, батюшка уже в Боровичах служил, – это не так далеко, под Нижним Новгородом. Я к нему туда приезжал. Особенно на праздники любил бывать. Бывало, просидим с ним, проговорим целую ночь. Молились вместе.

В 2000-м году, когда я уже был в Оптиной пустыни, батюшка почил в Самаре, где он жил в последние годы. Там же, в Иверском женском монастыре, он и упокоен.

– Чем вам запомнилось обучение в семинарии, а после в академии?

– Тогда, конечно, трудно было. Мы начали учиться в одном учебном заведении, а нас в 1961-м году перевели из Саратова в Петроград. Тогда по всей стране при Хрущеве стали закрывать семинарии. Сначала нас, саратовских семинаристов, много было, большой класс набрали. Но прямо во время нашей учебы началась антицерковная кампания, стали особенно рьяно препятствовать молодежи учиться на священников. Понимали, что нам передают еще царские церковные традиции. Преподаватели у нас, и в Саратове, и в Петрограде, были еще старых, дореволюционных времен.

Ректором в Петроградской семинарии, помню, был протоиерей Михаил Кронидович Сперанский, к нам он относился по-отечески, не как товарищ к товарищам, что уже практиковалось в те времена. Инспектором у нас был Лев Николаевич Парийский. Он, кстати, сразу после революции оказался на скамье подсудимых вместе с митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином. Владыку вместе с архимандритом Сергием (Шеиным) и двумя мирянами, Юрием и Иваном, расстреляли, – все они теперь новомученики. А Льва Николаевича в числе многих прочих – всего их только по одному только этому клеветническому делу арестовали 86 человек! – приговорили к пяти годам заключения. Преподаватели у нас были исповедниками.

Когда мы учились уже в Петрограде, то и эту семинарию власти то и дело грозились закрыть. Митрополит Никодим (Ротов), который был назначен тогда туда на кафедру, всячески препятствовал закрытию семинарии, даже открыл «факультет африканской христианской молодежи», как его тогда называли, приглашая туда учиться негров. Хрущев, говорят, любил афроамериканцев. Их почему-то любил, а свой народ ненавидел... Прошедшее столетие, конечно, несчастье для России.

– Как Господь Себя являл в то трудное время?

– Испытания Он, конечно, попускал. Раз коммунисты захватили власть, значит, это было народу поущено. Забывали Бога, поэтому Господь и отступал. А являл Себя в жизни верующих. Большевики и коммунисты и вовсе стремились разорить Церковь. А тогда такой мрак со всех сторон обступает. Помню, страшно было. Но нас учили молитвам. Я с детства «Отче наш» знал. Молился. Видел помощь Божию. Жив Господь. Не допустил разорить Церковь Свою. Сказано: *врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18).

– Преподобный Порфирий Кавсокалит говорит: надо обращаться к Богу, а Господь Сам уже все проблемы Своих верных чад разрешит. Приводит аналогию: когда маленький ребенок видит какого-то хищного зверя, он же не спешит вступить с ним в драку, он тут же тянет ручки к отцу: «Папа!»

– Да, молиться надо! Отец Иоанн (Крестьянкин) тоже говорил: «Отступление идет по земле, и не покусись остановить его своею немощною рукою. Остерегись его сам, и Господь даст силы и крепость и разумение жить в Боге и Богом. А это только и есть во спасение». От нас – только Богу молиться, а Господь Сам силен сделать все нам необходимое.

– Как в своей душе пережить Рождество Христово?

– Молиться. В храме быть. Причащаться. Господь дает нам в таинстве Евхаристии всего Себя. Он – наше Рождество, Христос – наша Пасха. Самое главное то, куда направлена воля самого человека: чего ты сам желаешь? Ищешь ли родиться для мира духовного? Господь стучит в каждую душу. Призывает в храм. Хочет спасти. Все нам дает для жизни не только здешней, но и, главное, вечной. Он нам даже немощи посылает для

того, чтобы мы задумались, что нас в будущем веке ждет. Заболел – это тебе напоминание: помолись, приготовься к причащению. Иногда мы настолько заняты, что нам как будто уже не до Бога. А тут заболели – и сразу же вспомнили! Так всегда, когда у нас какие-то неурядицы бывают. Или вдруг война началась, – люди и повалили в храмы.

С Богом не страшно. Господь помогает.

– **Какие у вас самые светлые воспоминания, связанные с праздником Рождества Христова?**

– Сама обстановка праздника всегда радует дух. Когда с Господом человек, то все у него слава Богу.

Вся слава дочери царицы внутрь (Пс. 44, 14). Святитель Афанасий Великий объясняет, что речь здесь идет про благочестие, то есть украшение Церкви внутреннее, духовное. Сама служба, кстати, по-разному в детстве и уже в зрелые годы переживается. Даже тропарь в детстве совсем по-другому воспринимаешь. Сейчас иначе.

– **Как детям раскрыть смысл Рождества Христова?**

– Вот для них, конечно, важно и внешнее благолепие. Хорошо, чтобы служба была торжественная. На проповеди им важно доступно изложить историю праздника. Как они сопереживают Божией Матери в том, что Ей нигде с Ее Божественным Сыном не находилось места. Сама обстановка их очень трогает, если с большой любовью устроить Вифлеемский вертеп. Ясли сделать. Овечек поставить. Коровок. Для детей это отраднo. Они очень живо представляют себе явление ангелов, долгий путь волхвов, радость пастушков, также пришедших на поклонение Богомладенцу. Подарки малышам, конечно, надо дарить, тогда и они Господу принесут какие-то свои дары, обещания. И жизнь у них будет с малых лет устраиваться в Боге.

От нашего поколения всю эту радость скрывали. Я, когда уже поступил в Псково-Печерский монастырь, то года четыре там у меня было послушание водить экскурсии. Пещеры показывал. Часто как раз и в эти рождественские дни, когда в школах каникулы, в обитель приходили учителя с детьми. Одни на меня набрасывались: «Только не говорите им ничего про веру!» А другие наоборот: «Вы им расскажите, пожалуйста, побольше о Боге, о Церкви». И по детям заметно: они же разные! Сразу видно: верующий учитель с ними занимается или нет. Тогда вообще в школах такая установка была: дети ничего не должны знать о Церкви. Какое это погубление детских душ!

Я тогда на Псковщине и на приходах служил. Там мало того, что монастырь, один на всю Россию, оставался открытым, так еще и около 80 храмов действовало. Нас, монахов, отправляли туда служить. Вот, когда я ездил еще из Петроградской семинарии к отцу Иоанну Букоткину, мне сначала казалось, что в Нижнем Новгороде должно быть особо много храмов. Там же земля освящена подвигом таких святых, как преподобный Серафим Саровский, Дивеево там – четвертый удел Пресвятой Богородицы. А там всего-то и было с десятков открытых церквей! Такой там лютейший уполномоченный злодействовал. Закрывал все храмы подряд. У нас на Псковщине уполномоченный любил старину и потому храмы не трогал. Да и владыка Иоанн (Разумов) умел с ним ладить. Поэтому там, на псковской земле, приходо́в было много.

– **Как в Псково-Печерской обители вы Рождество праздновали?**

– Слава Богу. Меня еще митрополит Никодим (Ротов) до Печор посвятил, так что туда я уже поступил иеромонахом. А потому на Рождество меня часто отправляли – я служил где-нибудь в селах, на приходах, чтобы там тоже у людей праздник был. Там хорошо было. А какие храмы у нас там в монастыре! Успенский, Архангела Михаила, Сретенский... *(Батюшка опять мысленно точно возвращается в излюбленные места, лицо у него становится очень радостным и счастливым – О.О.)*

– **А на Афоне как Рождество отмечали?**

– Каждый монастырь по-своему. Конечно, всегда служилась особо торжественная Всенощная, потом праздничная литургия. У нас в Пантелеимоновом монастыре не очень долгая служба, даже в великие праздники. А вот в Великой лавре у них там по 10 часов может длиться богослужение.

– **Как вы, монахи, друг друга с Рождеством Христовым поздравляете?**

– Каждый делится своим радостным настроением, и оно преумножается. Господь нам всем дает благодать: и монахам, и мирянам. Делитесь радостью.

телефон храма: **8-925-353-00-75** сайт: **1svt.ru** электронная почта: **1svt@bk.ru**

БРАТЯ И СЕСТРЫ!

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЦЕРКОВНЫЙ ЛИСТОК В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ НУЖДАХ.